

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Славяноведение, 2023, № 4, с. 120–139

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 120–139

DOI: 10.31857/S0869544X0026711-5

Оригинальная статья / Original Article

Гусизм в оценке петербургских славянофилов (из писем И.С. Пальмова В.И. Ламанскому)

© 2023 г. А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

a.v.malinov@gmail.com

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции:
два полюса русского общественно-политического мировоззрения
в философии и культуре XIX–XXI веков».

Аннотация. Статья предваряет публикацию двух писем слависта, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Саввича Пальмова его учителю Владимиру Ивановичу Ламанскому, раскрывающих обстоятельства командировки Пальмова в славянские земли в 1881–1882 гг. Отмечается, что во время командировки Пальмов продолжил собирать материалы по истории гуситского движения в Чехии, обратившись, прежде всего, к работам предшественников и последователей Я. Гуса. Рассматриваются взгляды Ламанского, отразившиеся в его лекционных курсах в Санкт-Петербургском университете, на истоки и характер гусизма. Приводится точка зрения Ламанского, в целом совпадающая с принятой у славянофилов интерпретацией гусизма, как попытки вернуться к преданиям кирилло-мефодиевской (до католической) версии христианства и богослужебной практике православной церкви. Отмечается связь восприятия Ламанским гусизма с его историософской концепцией, согласно которой учение Я. Гуса и войны таборитов были одним из проявлений цивилизационного противостояния романо-германского и греко-славянского миров. Воспроизводятся критические высказывания Ламанского о представителях чешской интеллигенции и современном ему положении чехов, которые привели к конфликту в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. Приводятся некоторые факты, иллюстрирующие характер взаимных отношений двух ученых.

Ключевые слова: история славяноведения, история Чехии, гусизм, славянофильство, Ламанский, Пальмов, греко-славянский мир, панславизм.

Ссылка для цитирования: Малинов Алексей В. Гусизм в оценке петербургских славянофилов (из писем И.С. Пальмова В.И. Ламанскому) // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 120–139. DOI: 10.31857/S0869544X0026711-5

Hussism as Evaluated by the Petersburg Slavophiles (From I.S. Palmov's Letters to V.I. Lamansky)

© 2023. Alexey V. Malinov

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russian Federation)

a.v.malinov@gmail.com

This publication was made possible by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00153, «The Idea of Empire and the Idea of Revolution: Two Poles of the Russian Social and Political Worldview in the Philosophy and Culture of the 19th and 21st Centuries»

Abstract. The article precedes the publication of two letters from the Slavist, Professor of the St. Petersburg Theological Academy Ivan Savvich Palmov to his teacher Vladimir Ivanovich Lamansky, which reveal the circumstances of Palmov's mission to the Slavic lands in the years 1881–1882. It is noted that during the mission, Palmov continued to collect materials on the history of the Hussite movement in the Czech Republic, referring primarily to the works of predecessors and followers of J. Huss. Lamansky's views on the origins and character of Hussiteism, which were reflected in his lecture courses at St. Petersburg University, are examined. Lamansky's point of view, which coincides in general with the Slavophile interpretation of Hussitism as an attempt to return to the traditions of the Cyrillic and Methodius (pre-Catholic) version of Christianity and to the liturgical practice of the Orthodox Church, is presented. The connection of Lamansky's perception about Hussiteism with his historiosophic conception is noted. According to this conception the doctrine of J. Huss and the wars of the Taborites was one of the manifestations of the civilizational confrontation between the Roman-Germanic and the Greek-Slavic worlds. The article reproduces Lamansky's critical remarks about representatives of the Czech intelligentsia and the contemporary situation of the Czechs, which led to the conflict in the St. Petersburg Slavic Benevolent Society. Moreover, some facts illustrating the nature of mutual relations between the two academics are presented.

Keywords: history of Slavic studies, history of Bohemia, Hussiteism, Slavophilism, Lamansky, Palmov, Greco-Slavic world, Pan-Slavism.

For citation: *Alexey V. Malinov.* Hussism as Evaluated by the Petersburg Slavophiles (From I.S. Palmov's Letters to V.I. Lamansky) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2023. No 4. P. 120–139. DOI: 10.31857/S0869544X0026711-5

Среди учеников В.И. Ламанского Иван Саввич Пальмов (1856–1920) занимает особое место, поскольку он фактически стал приемником Ламанского по отделению русского языка и словесности в Академии наук. Еще в конце 1913 г. Пальмов был избран экстраординарным, а в 1916 г. — ординарным академиком. Собственно «ученичество» Пальмова у Ламанского было непродолжительным. Готовясь занять кафедру истории славянских церквей в Санкт-Петербургской духовной академии, он в 1880–1881 гг. был командирован на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где занимался под руководством Ламанского, который и предложил ему в качестве диссертации тему «Вопрос о Чаше в гуситском движении». Выбор Ламанского в качестве руководителя диссертации не был случайностью. Вместе с И.И. Срезневским Владимир Иванович заложил основы славяноведения в Санкт-Петербургском университете. И.И. Срезневский умер в начале 1880 г. и пока в том же году на

освободившуюся вакансию не был приглашен И.В. Ягич, Ламанский оставался единственным ординарным профессором кафедры славянской филологии. С 1872 г. он также преподавал славянские языки в Санкт-Петербургской духовной академии, где, вероятно, и состоялось его знакомство с Пальмовым, окончившим ее в 1880 г. Пальмов не избалован вниманием современных исследователей. Пожалуй, лишь в работах Л.П. Лаптевой дается наиболее обстоятельное изложение творчества и биографии отечественного слависта [Лаптева 1990; Лаптева 1997; Лаптева 1998; Лаптева 2005; Лаптева 2007; Лаптева 2011; Лаптева 2014; Lapteva 1976; Lapteva 1980]. В статье Г.В. Бринзей «Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмова (1856–1920)» приведен обзор сохранившейся корреспонденции ученого, в том числе и его писем Ламанскому [Бринзей 2018].

После успешной защиты магистерской диссертации Пальмов продолжил исследования по истории гуситского движения. С этой целью он в 1881 г. оправился в заграничную командировку, следуя составленной для него Ламанским инструкцией¹ и надеясь найти новые материалы о предшественниках и последователях Я. Гуса. Интерес славянофилов, к которым относил себя Ламанский, к учению Я. Гуса и его сподвижникам оправдывался, во-первых, тем что гуситское движение и вызванные им последствия представляли собой один из самых ярких эпизодов истории западного славянства, т.е. показывали, что у славян есть своя история, достойная изучения, а во-вторых, славянофилы усматривали в идеях и практике гуситов возвращение к традиции православной церкви. Ламанский, так же как Е.П. Новиков, А.Ф. Гильфердинг и некоторые другие славянофильствующие исследователи, был готов видеть в гусизме возрождение кирилло-мефодиевских обрядов и богослужебной практики православной церкви.

Сам Ламанский не оставил крупных работ о гусизме, но постоянно обращался к идеологии и истории этого движения в своих лекциях. В разные годы он читал в университете многочисленные курсы по чешской истории, литературе и языку, большая часть которых пришлась на 1880-е годы, т.е. когда Пальмов приступил к своим исследованиям. Так, 2 декабря 1881 г. он писал И.С. Аксакову: «Обо мне, говорите, ни слуху, ни духу. Дело в том, что лекции и приготовления к ним занимают много времени. Читаю Чехию и Польшу в XV–XVI в. Приходится много читать всякого рода старья»². По настоянию Ламанского чешский язык стал обязательным для изучения студентами-филологами в Петербургском университете.

Представление о взглядах Ламанского на историю Чехии, в частности, на его интерпретацию личности и учения Я. Гуса дает курс лекций, изданный литографским способом, «Записки о истории славян Венгрии и Чехии», читавшийся в университете в 1878/1879 учебном году. Необходимо отметить, что в то же время Ламанский работал над циклом статей «Новейшие памятники древне-чешской литературы», печатавшихся в «Журнале министерства народного просвещения», в которых он опровергал подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей. К сожалению, цикл статей не был завершен, хотя по объему мог бы составить отдельную монографию. В разделе по истории Чехии Ламанский главным образом уделял внимание двум фигурам: Я. Гусу и Я.А. Коменскому, в деятельности которых готов был видеть воплощение «славянской идеи».

¹ СПбФ АРАН. Ф. 105. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1об.–2.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 163об.

В различные периоды истории в славянском мире, полагал он, последовательно заявляли о себе разные славянские народы. В XV в. это были чехи, затем инициативу перехватили поляки, в XIX в. у русского народа в политическом и культурном отношении не стало конкурентов среди славян. «Современные западные славяне, — отметил Ламанский, — очень кичатся своей старинной образованностью, но при этом забывают, что все сделанное ими в XV—XVII ст. не было особенно самостоятельно, в трудах их мы находим мало славянского; исключение составляют одни чехи и то во время Гуса, в это время они стоят выше всех славян и только в этом революционном движении проявилась действительно славянская национальность и идея»³. Более того, по его словам, современные чехи «так сказать не доросли до того, чтобы понять его», даже Ф. Палацкий «не умеет оценить Гуса»⁴. Он не свободен от протестантской точки зрения, хотя и старается «никого не обидеть»⁵. Главный недостаток Ф. Палацкого, по мнению Ламанского, состоял в том, что тот «не имел достаточной степени свободы историка, чтобы сказать прямо»⁶ о православных преданиях в чешской церкви: «Раз Палацкий и вся эта чешская партия (старочехи) задалась желанием не возбуждать против себя аристократии, то понятно, что они должны были сделать уступку: тут была своя цензура, чтобы не раздражить как-нибудь пана или епископа. Затем у Палацкого другая дочь Тома, которую он любил, с которой занимался, когда овдовел, была очень умна и отчаянная ультрамонтанка: это имело на Палацкого большое влияние. Сверх того, Палацкий не любил России, смотрел на русских несколько свысока»⁷. Современная ему чешская аристократия не отличалась патриотизмом, поэтому не смогла оценить по достоинству историческое значение Я. Гуса. «Главное то, что они плохие славяне и не важные чехи, — отметил Ламанский в лекции. — Что же это, в самом деле, за чехи, которые исключают из своей истории гуситское время? [...] Аристократы чешские суть отчаянные поклонники Папы, многие из них желают восстановления светской власти Рима и ненавидят Италию»⁸. Усиление католического влияния в Чехии означало и онемечивание самих чехов, сопровождалось утратой народности. В итоге ученый пришел к выводу, что «только в России наука может беспристрастно относиться к Гусу и оценить его»⁹.

Взгляды Ламанского на причины гуситского движения коренились в его историософии, согласно которой в Европе происходила борьба двух цивилизационных миров — греко-славянского и романо-германского — частным проявлением которой выступал гусизм и войны таборитов. Гусизм, полагал он, не был чисто чешским движением, это «результат всей предыдущей борьбы Востока с Западом, славянства с германизмом»¹⁰. При этом Ламанский не отрицал религиозные истоки гусизма: эсхатологические ожидания, недовольство римской церковью, вопрос причастия и др. «Это было, так сказать, восстание народа против аристократических введений в церковь», — отметил он на лекции¹¹. Однако церковные вопросы, сблизившие гусизм с позднейшим протестантизмом, не были определяющими, хотя недовольство Римско-католической

³ Ламанский В.И. Записки о истории славян, 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 41.

⁶ Там же, 43.

⁷ Там же, 44–45.

⁸ Там же, 44.

⁹ Там же, 2–3.

¹⁰ Там же, 3.

¹¹ Там же, 29.

церковью в Чехии, безусловно, присутствовало. По словам Ламанского: «Затем в первой половине XVI в. указывается на то, что в Чехии раньше, нежели в Англии и Германии было, между прочим, сильное возбуждение разными сомнениями в правильности того, чему учит римская церковь, и сильное недовольство существующими отношениями к римской курии»¹². Он считал, что гусизм в известной степени предвещал движение протестантизма, он «имел большое влияние и на эпоху реформации»¹³, однако был вполне самостоятельным и имел предшественников в лице Конрада Вальдгаузера, Яна Милича, Матвея Яновского, Николая де Лаку, Фомы Щтитного.

Ламанский старался не говорить прямо о православных симпатиях гуситов, предпочитая другие выражения, например, «влияние воспоминаний прежней славы»¹⁴, т. е. отсылал к традициям кирилло-мефодиевской церкви. «Чехам, — отметил он, — хотелось быть членами церкви, покоящейся на авторитете предания, за исключением из католицизма всего, противоречащего первобытному вселенскому христианству, как-то: непогрешимость пап, причащения под одним видом хлеба, аристократического и светского характера иерархии и т. п.»¹⁵. Еще Иероним Пражский «приводил учение Гуса в связь с древнею славянскою церковью в Чехии»¹⁶. Ламанский указывал, что старочешские и моравские братья в XVII в. схожим образом оценивали гуситское движение. Об этом же писали П. Странский и Я. А. Коменский, хотя, по мнению историка, приводимые ими факты бездоказательны и «должны быть отвергнуты», но «мнения их не теряют значения. Важны не факты, которые они приводили в доказательство, но важны субъективные отношения их к доказательствам»¹⁷. Сам Ламанский приводил свидетельства, которые, как он полагал, иллюстрировали симпатии к грекам и православным у гуситов. Так, на Базельском соборе чехи и гуситы настаивали на признании греческих епископов, вели переговоры с константинопольским патриархом о том, чтобы «получить от него епископов и священников». Флорентийская уния, казалось, давала такую возможность, но падение Византии ее перечеркнуло. Тем не менее Ламанский упомянул о наличии в то время у чехов епископов, поставленных без назначения Римским папой, указывал на то, что чехи разделяли учение об исхождении Св. Духа только от Бога Отца. Все это, по его мнению, свидетельствовало о знакомстве чехов в XIV в. с православием. Православная традиция «удерживалась» у них до XI в., память же о ней сохранялась и в XII–XIII вв. Более того, по словам Ламанского, «все почти протесты, все почти движения религиозные против Рима были некоторым образом под влиянием восточной церкви»¹⁸.

Одну из причин отрицательного отношения к Я. Гусу на Констанцском соборе Ламанский усматривал в том, что большинство членов собора были номиналистами, в то время как Я. Гус придерживался точки зрения реализма. Связывая национальную борьбу с религиозной, он говорил в лекциях о начале гуситского движения: «Тут выступает идея мести за смерть магистров (Яна Гуса и Иеронима Пражского. — А. М.) и идея борьбы с врагами Божьего

¹² Там же, 40.

¹³ Там же, 99.

¹⁴ Там же, 45.

¹⁵ Там же, 104.

¹⁶ Там же, 45.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, 50.

закона и славянского племени»¹⁹. В лекциях Ламанский не мог удержаться от широких историософских параллелей, в частности, указывая на типологическое сходство Я. Жижки с Д. Гарибальди или даже сопоставляя последствия гуситских войн с мыслью славянофилов о необходимости собственного пути развития. Как в Чехии в XV в. это было достигнуто путем вынужденной изоляции, так и для России может быть не бесполезно временное отрешение от Европы. Отчуждение чехов в XV в. от остальной Европы, полагал Ламанский, имело громадное значение: «С чехами не хотели знаться, и наука падала вследствие этого; но зато чехи выиграли в смысле оригинальности и творчества идей. След[овательно,] это отчуждение было даже полезно для чехов в отношении сочности, содержательности, внутренности. У нас в литературе была высказана замечательная мысль *Веневитиновым* (в цитатах здесь и далее выделено в источнике. — А.М.), молодым поэтом-философом, в таком же смысле. Он сказал, что мы (Россия) на время должны отрешиться от Европы и обдумать то, что нами воспринято от Запада. Чехи отделение получили и нельзя сказать, чтобы это было очень вредно. Если что чехи и сделали, то это сделано гуситами и Коменским»²⁰. Залог успехов гуситов состоял в их военном превосходстве, которое позволяло эффективно противостоять половине Европы, обрушившейся на маленькую Чехию. «Чехи выиграли много сражений благодаря воодушевлению, новому роду войны, неизвестному для других народов, большому употреблению и лучшему владению огнестрельным оружием и наконец благодаря быстроте походов», — отмечал Ламанский истоки военных побед таборитов²¹. Однако значение гуситского движения для чехов состояло не в ратных подвигах, а в «наиболее полном проявлении чешской народности», которое и сказалось в творческом подъеме народа, в его оригинальной деятельности, о которой упомянул русский ученый, поскольку «основное условие развития науки, искусства, образования Ламанский видел в национальности этих процессов, вырастающей из их народности. Мировая история искусств, подчеркивал он, раскрывает теснейшую общность народного и личного художественного творчества» [Саприкина 2010, 261].

Ламанский не был первым, кто отстаивал мысль о сбережении православных преданий в Чехии, повлиявших на гусизм. В отечественной историографии, как он отметил, об этом писали В.А. Елагин и Е.П. Новиков, а в Германии протестантский историк Л. Круммель, признававший сохранение в Чехии традиции церкви Кирилла и Мефодия²². Со своей стороны Ламанский приводил современные свидетельства православных симпатий у чехов²³. Необходимо отметить, что славянофилов в чешской истории и литературе интересовали прежде всего памятники древней словесности, которые указывали бы на возможное единство славян, и следы православия, которые как раз пытались найти в гусизме. Славянофильский журнал «Русская беседа» охотно печатал чешских авторов: В. Ганку, Л. Риттерсберга, К.Я. Эрбена. Ламанский видел в распространении взглядов на гусизм как антикатолическое направление политическую цель сближения с Россией. Об этом он, в частности, писал Ф.Л. Ригеру 1 июля 1876 г., указывая на задачу «из соображений чисто политических питать и развивать в себе и в народе старые, добелогорские,

¹⁹ Там же, 95.

²⁰ Там же, 110–111.

²¹ Там же, 101.

²² Там же, 42–43.

²³ Там же, 48–49.

братские и *гуситские* предания и воззрения на христианство, на Рим и т.д. В этом вся суть дела. Только тогда чехи приобретут вновь великое важное значение и тогда, поверьте, весь русский народ станет за Вас горою» (цит. по: [Ровда 1978, 53]). Полемизируя с чехами, он признавался, что «мы особенно любим Чехию с 1409 по 1620 г., когда она была всего менее римско-католическою, но и не православною»²⁴. Деятельность и творчество Я. Гуса, П. Хельчицкого и Я.А. Коменского Ламанский считал высшим достижением чешского народа. Недаром в лекциях он прежде всего уделял внимание этим трем фигурам. В письме А. Патере 19 мая 1865 г. он признался: «Надо быть слишком немцем... или иезуитом, чтобы осмелиться дурно говорить о Гусе, Хельчицком, Коменском» (цит. по: [Ровда 1978, 170]).

Первое из публикуемых писем Пальмова не случайно начинается с упоминания А. Патеры, близкого друга Владимира Ивановича. Ламанский познакомился с Адольфом Патерой еще в 1862 г. во время своей первой заграничной командировки и поддерживал с ним близкие, доверительные отношения до конца жизни чешского ученого, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Первое упоминание Ламанским А. Патеры встречается в письме родителям из Праги 7 июня 1862 г.: «Другой мой самый близкий мой знакомец и приятель, молодой чех, лет 23, только что ныне сдающий экзамен в университет. По всей вероятности, он займет здесь кафедру славянских литератур. На этого Патеру надо возлагать большие надежды, из него может выйти нечто вроде Шафарика. Он хорошо говорит по-польски, отлично изучил лужичан, посреди которых прожил 3 месяца, знает и говорит по-русски, как не многие из наших немцев. Сын простого мужика, этот Патера, при всей своей учености, сохраняет всю прелесть того добродушия и наивности, которым отличается крестьянин вообще, славянский в особенности. Трудно Вам описать его ласки и его предупредительность. Он знает многих русских, Лавровского, Ровинского, Троянского, Петровского с женою, который недавно только выехал из Праги. Этот Патера много читал по-русски, очень любит Хомякова, постоянно читает “День”»²⁵. Уже через месяц Ламанский жил в деревне Гудлицы, на родине А. Патеры, в доме его отца и также сообщал об этом родителям 9/21 июня 1862 г.: «Другой его сын Адольф, мой приятель – будет в чехах вторым гудлицким Юнгманом. Он будет профессором славянских наречий в Пражск[ом] унив[ерситете] и профессором прекрасным»²⁶. Практически всех своих учеников, уезжавших в Чехию, Ламанский впоследствии направлял к А. Патере, о чем многие ему потом писали с благодарностью. Так, А.С. Будилевич известил своего учителя из Праги в 1868 г., что в Чешском музее вручил А. Патере «верительные грамоты», а затем признался: «А славный человек Патера. Так скоро с ним сходишься на короткую ногу»²⁷. Т.Д. Флоринский в недатированном письме, написанном во время командировки, написал: «Патера по обыкновению был очень мил. Он с успехом продолжает свои поиски за старыми рукописями и нынешним летом нашел несколько любопытных памятников XIV в., которыми думает воспользоваться для защиты Краледворской рукописи»²⁸.

²⁴ Ламанский В.И. Замечания, 17.

²⁵ Документы к истории славяноведения в России, 36–37.

²⁶ Там же, 39.

²⁷ СПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 6.

²⁸ СПБФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447. Л. 141–141об.

Ламанский нередко давал своим студентам близкие исследовательские темы. Не стал исключением и Пальмов. Среди учеников Владимира Ивановича работы по истории чешской реформации написали Ю.С. Анненков, В.Э. Ретель и Н.В. Ястребов. Не все из учеников разделяли славянофильские установки Ламанского. Л.П. Лаптева отметила, что в магистерской диссертации Пальмов критически отнесся к мысли о православном характере учения гуситов: «Он не отождествлял гусизм с православием и считал, что чешская Реформация была одного происхождения с западноевропейскими реформационными движениями. Она возникла по тождественным причинам, но проходила в ином направлении, имела свой особый характер, возможно под влиянием восточного кирилло-мефодиевского православия. Тезис о сохранении в Чехии постоянного стремления к соединению с греко-православной Церковью не может, по мнению Пальмова, быть принят категорически как несомненно доказанная историческая действительность. [...] Пальмов признавал только, что это движение апеллировало как к идеалу к апостольской Церкви и, таким образом, к основам Церкви православной» [Лаптева 2007, 200]. В последующих работах он с большим пониманием отнесся к славянофильской интерпретации гусизма, что позволило Л.П. Лаптевой назвать его концепцию эклектической. Возможно, на изменение взглядов Пальмова оказала влияние его командировка в славянские земли. По крайней мере, его письма Ламанскому показывают, каким образом происходила эволюция взглядов молодого ученого, как новые материалы меняли его представление на характер учения Я. Гуса и его последователей. Для Ламанского гусизм не стал главной темой славяноведческих исследований, а часто использовался лишь для подтверждения историософских обобщений ученого. Мнение о православном характере гуситского движения уже в те времена подвергалось сомнению, а последующими учеными было и вовсе отвергнуто; оно осталось, пожалуй, лишь в качестве одного из исторических мифов, порожденных славянофилами [Краснова 2019, 69]. Пальмов же, напротив, был более осторожен в выводах, предпочитая работать с новыми архивными материалами и редкими источниками, только на основе которых и приходил к корректировке существующих оценок гуситского движения.

В одном из писем Пальмов также сетует на польские интриги и преследование со стороны австрийских властей, заставившее его преждевременно покинуть Прагу. Поездка Пальмова совпала с процессом А.И. Добрянского, его дочери О. Грабарь и некоторых деятелей русинского движения в Галиции, которых обвиняли в государственной измене, т.е. «панславистической пропаганде» с целью отделения Галиции, Угорской Руси и Буковины от Австро-Венгрии. С этого судебного процесса, завершившегося в 1882 г., началось преследование русского движения в Австро-Венгрии. Пальмов, прибывший во Львов 8 ноября 1881 г., прожил там пять недель, занимаясь под руководством А.И. Добрянского и А.С. Петрушевича в архивах Ставропигийского университета и князей Оссолинских. Предубеждение местной администрации к русским ученым, занимавшимся славянской тематикой, было связано с ее политизацией. Л.П. Лаптева справедливо заметила, что «события в славянском мире, как правило, активизировали изучение этого мира» [Лаптева 2014, 85]. Заграничные командировки Ламанского, например, нередко сопровождалось подобными подозрениями, которые, скорее всего, не всегда были обосновательными. По крайней мере, сохранились свидетельства, указывающие на то, что во время поездок за границу Владимир Иванович мог выполнять тайные поручения российских властей. Так, ученик Ламанского И.И. Соколов,

живший в качестве домашнего учителя в семье гр. Н.П. Игнатьева в имении русского дипломата в деревне Круподерницы Киевской губернии, спрашивал своего учителя в письме 19 июня 1878 г.: «Интересуюсь очень подробностями Вашей миссии в Вену и Прагу, о которой сообщил мне Н. П., сказав только, что она б[ыла] вполне удачна — Вы сделали все, что нужно. Жаль только, что все это теперь — ни к чему, по крайней мере до поры до времени. Н[иколай] Павлович справедливо видит в Вас вожака панславистов — в лучшем смысле слова — среди ученых славян. При теперешнем М[инистерст]ве ничего нельзя поделывать и воспользоваться добрыми услугами знатоков славянства. М[инистерст]во радо было бы, чтобы все эти славяне куда-нибудь провалились»²⁹. О каком поручении Н.П. Игнатьева накануне Русско-турецкой войны идет речь точно неизвестно. Однако в одном из писем И.С. Аксакову 30 июня 1878 г. Ламанский извещал своего адресата, что представители Генерального штаба обращались к нему, чтобы воспользоваться его контактами в славянских землях Австро-Венгрии для получения разведывательной информации. Владимир Иванович и сам предлагал Министерству иностранных дел услуги в качестве консультанта по славянским делам, но получил отказ, на который намекает И.И. Соколов в письме, ссылаясь на Н.П. Игнатьева. Активность Ламанского в эти годы была вызвана общественным возбуждением, охватившем русское общество в канун Балканского кризиса. Впрочем разочарование в российских чиновниках не заставило себя ждать и уже 8 марта 1878 г. ученый писал И.С. Аксакову: «Я уже давно дал себе заказ не ходить на совет нечестивых и держу себя от всего этого мира как можно дальше. И всякий раз, как по собственной слабости или по неволе нарушаю это правило, только потом себя браню и упрекаю»³⁰.

К середине 1880-х годов у Ламанского стало нарастать разочарование в перспективах панславизма, приведшее в конце 1880-х годов к разрыву с националистически и панславистски настроенными членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Поводом послужили статьи Ламанского «Западный, славянский вопрос» и «Восточный, славянский вопрос», опубликованные в редактировавшихся им «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Уже в свой первый приезд в Прагу в 1862 г. Ламанский писал родителям: «Я очень люблю чехов, но Вы не поверите, как надо суживаться русскому, сколько ему надо заглушить в себе вопросов и требований, чтобы сочувствовать здешним славянским интересам, вполне окунуться в эту жизнь и ее интересы. Чехи очень хорошо образованы, но Россию знают очень дурно, проще совсем ее не понимают, а между тем толкуют о ней свысока. Исправлять их взгляд нельзя, потому что пришлось бы толковать им, как мало в них славянского духа, как мелочны их вопросы и интересы сравнительно с нашими. Понять иного они теперь не в состоянии и только бы обиделись. Немцы-колбасники обращаются здесь с нашими почти также, как во времена Бирона, только наружно деликатнее. А они еще вкривь и вкось толкуют о России»³¹. По результатам заграничной командировки Ламанский опубликовал серию статей, в одной из которых признался, что «чехи и словинцы сильно онемечены и кроме языка мало сохранили характеристических особенностей славянских»³². Постепенно ученый пришел к выводу,

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 27об.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 124–124об.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 19об.

³² Ламанский В.И. Из записок о славянских землях, 652.

что славян-католиков следует исключить из возможного всеславянского объединения, в основе которого должны лежать прежде всего духовные факторы — по его мысли, общий литературный, научный и дипломатический язык. 14 февраля 1884 г. он выступил в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе с речью, в которой повторил свое давнее наблюдение об онемечивании австрийских славян, вызвавшее возражения со стороны И. Шумована, опубликовавшего в «Известиях» общества статью «Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно-славянских вопросах»³³. Ламанский реагировал на критику в свой адрес на страницах того же издания³⁴, уточняя, что использование народного языка еще не является признаком культурного развития и цивилизационной зрелости, а только оригинальность высказываемых на нем мыслей, самостоятельность творческой деятельности, чего лишена чешская интеллигенция. 25 сентября 1885 г. он поделился своими соображениями с И.С. Аксаковым: «Чем меньше будет славян-католиков в первом славянском союзе, тем лучше для него. Славяне-католики больше принесут помощи славянству, если попадут пока в союз немецкий»³⁵. В 1887 г. в статье «Западный, славянский вопрос» Ламанский продолжил критику чехов: «Своим духовным строем и бытом, своими нравами и обычаями чехи до того уклонились от прочего славянства, что в союзе с ним они были ему, особенно благодаря своей аристократии, скорее вредны, чем полезны. Разумеется более или менее ближайшее будущее»³⁶. Он предлагал не рассматривать чехов и словенцев как часть славянского мира, поскольку они больше тяготеют к немцам, католицизму, а не славизму. Обида и обвинения со стороны чехов и некоторых членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества не заставили себя ждать. В результате начавшейся полемики Ламанский оставил редактирование «Известий» и во многом отстранился от деятельности Общества (см. подробнее: [Медоваров, Снежницкая 2019]). В скором времени он перенес свою активность в этнографический отдел Русского географического общества и с 1890 г. стал издавать журнал «Живая старина».

Аргументы оппонентов не убедили Ламанского, который делал выводы, основываясь не на романтических иллюзиях панславизма, а на знании реального положения западных славян. В письме К.Я. Гроту 23 марта 1890 г. он выразился еще более резко: «Чехи не как народ, а как политический фактор, чехи-деятели, что младо-чехи, что старо-чехи для нас Русских да и для большинства даже австрийских Славян — решительно не одно и то же и добра от них мало. Даже Масарик, которого считал меньше других Чехом — оказывается такую же дрянью, как и Ригер. Погодите еще, что выйдет из них через год, через два»³⁷.

Сомневался Ламанский и в православных симпатиях чехов, что подтверждали и наблюдения учеников. Например, А.Л. Петров писал ему из Праги 14 августа 1889 г.: «Что касается религиозных вопросов, то о распространении православия среди чехов, вероятно, очень долго и думать нельзя. Дворянство — ультракатолическое, средний интеллигентный класс совершенно равнодушен к вере. И история чехов, и западное влияние, и сильная национальная борьба совершенно, кажется, их лишило способности веровать и заглушило к этому стремление. Если у кого и есть сочувствие к православию, то лишь из национальных видов. К тому

³³ Шумован И. Голос чеха, 11–16.

³⁴ Ламанский В.И. Замечания, 16–19.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 199–199об.

³⁶ Ламанский В.И. Западный, славянский вопрос, 533.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 14об.

же они православия не знают, да и не интересуются его сущностью. Притом и с нашей стороны — большинство проповедующих православие, смотрят на него, как на средство охранения национальности славянской. А чтобы вызвать веру — нужна горячая вера — без всяких посторонних расчетов»³⁸. А.Л. Петров констатировал религиозный индифферентизм чешского народа, распространение социалистических идей среди рабочих, которые Ламанский и сам мог видеть во время заграничных командировок. Впрочем, Ламанского никогда нельзя было отнести к недоброжелателям чешского народа, что позволило А.А. Шахматову справедливо заметить в некрологе русскому ученому: «С горячей симпатией относился В.И. Ламанский к чехам, восхищался их плодотворными усилиями, приведшими к восстановлению их в одно время застывшего национально-го развития; но ему претят ультракатолические симпатии старочешской партии и слишком настойчивое стремление всех вообще чешских политических партий воскресить чешское королевство в прежних его правовых отношениях; напоминающая чехам, что их королевство было неразрывной частью Германской империи, В.И. Ламанский надеется (так в тексте. — А.М.), что чехи обратят большее внимание на свои народные, этнографические интересы и откажутся от онемеченных северных окраин Чехии»³⁹.

Едва ли Ламанского можно упрекнуть в непоследовательности и противоречивости. Он прожил долгую жизнь, его взгляды менялись в зависимости от перемен в самой жизни, политических событий, новых вызовов, которые вставали перед славянством и русским государством. Он никогда не был догматиком, строго следующим заученным правилам. Эволюция представлений Ламанского на славянство объясняется обстоятельствами его жизни, знакомством с реальным положением в славянских землях и постепенным формированием его историсофского учения, в котором он уклонялся от окончательного ответа на вопрос о политической конфигурации славянского единства. Еще А.Н. Пыпин отнес учение Ламанского к культурному панславизму. Однако Владимир Иванович прекрасно сознавал, что славяне не смогут заявить о себе как всемирно-историческом народе и славянская культура не сможет достичь уровня мировой культуры, если они будут политически разобщены. Он считал, что маленькие славянские государства, могут породить лишь провинциальную культуру, и быстро подпадут под влияние других, более сильных в политическом и культурном отношении государств. Чтобы избежать этого, славяне должны объединиться в христианскую империю, которую он понимал не как способ правления (ранние славянофилы воспринимали самодержавие как воплощение законности, последовательное проведение которой способно привести к «растворению» монархии в «общинном народном государстве» [Матвеева, Евлампиев 2022, 137]), а в качестве пластичной цивилизационной формы (см.: [Малинов 2023]).

В отличие от своего учителя Пальмов был больше историком, не стремящимся к широким историсофским обобщениям. Публикуемые письма лишь отчасти открывают обстоятельства их взаимных отношений. В фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранилось 35 писем, две открытки, одна записка, а также три визитные карточки Пальмова (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 1–6). Значительная часть из них представляет краткие сообщения, которые носят, преимущественно, деловой характер. Содержательное

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 38.

³⁹ Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский, 1347–1348.

общение двух ученых происходило помимо почтового ведомства. Они имели возможность обсудить интересующие их вопросы при личных встречах на субботних журфиксах у Ламанского, в Санкт-Петербургской духовной академии, где оба преподавали, в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. Большинство писем Пальмова были направлены с его домашних адресов: Невский пр. 139, кв. 40 (1894, 1895, 1896); Петропавловская ул. 26; Невский пр. 182, кв. 9. Наибольший интерес представляют два первых письма, написанных Пальмовым во время заграничной командировки.

В документах Ламанского сохранились и другие упоминания Пальмова. Например, посредством своего ученика он пытался приобрести книги по польско-литовской истории из библиотеки покойного М.О. Кояловича. Ламанский долгое время не мог узаконить отношения со своей женой Александрой Ивановной, поскольку ее первый муж не давал развода. Только после его смерти Ламанские смогли сыграть свадьбу. Венчание состоялось 21 апреля 1894 г. в Санкт-Петербурге в Николаевской Чернореченской церкви. Свидетелями выступили С.И. Ламанский, М.И. Белозеров и два профессора Санкт-Петербургской духовной академии: М.И. Каринский и С.И. Пальмов. В том же году Пальмов писал учителю 17/29 ноября 1894 г. из Праги о восприятии в Чехии речи Ламанского, посвященной памяти императора Александра III. «Статьи представляют собою пересказ содержания Вашей речи с некоторыми комментариями. [...] Чехи — конечно — имеют против Вас еще издавна несколько возражений», — отметил он, намекая на давнюю полемику Ламанского с чешской интеллигенцией⁴⁰. В недатированном письме Ф.И. Успенскому, относящемуся, скорее всего, к 1911 г., Ламанский сетовал на одиночество и признавался, что из своих учеников видится только с Н.В. Ястребовым и И.С. Пальмовым⁴¹.

Письма Пальмова публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения и лакуны в тексте восстановлены в квадратных скобках.

Приложение

ПИСЬМА И.С. ПАЛЬМОВА В.И. ЛАМАНСКОМУ

1

30 марта / 11 апреля 1882 г.

Прага.

Христос воскрес,

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

От души посылаю Вам со всем Вашим семейством всевозможнейших наилучших пожеланий.

Простите, что так долго я не писал Вам, даже в то время, когда вместе с Адольфом Осиповичем Патерой⁴² отправлял к Вам нашу совокупную книжную посылку. Стыдно сознаться в причине моего продолжительного молчания, хотя эта причина так распространена и общеизвестна, что Вы и без моего «сознания» предполагаете ее... Но чтобы не взваливать на лень всю вину, часть этой последней я приписываю тому распорядку времени, который я практикую по отношению к своим ежедневным занятиям в пражских библиотеках

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 33об.—34.

⁴¹ СПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 3.

⁴² Патера Адольф (1836–1912) — филолог, библиотекарь Чешского национального музея в Праге, один из ближайших друзей В.И. Ламанского.

и архивах. Так как я заговорил о библиотеках и архивах, то считаю долгом известить Вас о своих поисках в этом отношении.

Прибывши в Прагу, я принялся прежде всего читать Милича⁴³. В 3-х томах «*Postilla*», прочитанных мною по возможности сполна и внимательно, я заметил одну характерную местную особенность проповеди Милича. Это нравственное направление его проповеди – с постоянною ссылкой на образец первобытной апостольской церкви, но без специального указания на пример греческой (современной, конечно) церкви. Точно такое же направление и реформаторской деятельности Матвея Яновского⁴⁴, судя по прочитанным мною рукописным статьям соч[инения] «*Begulae Veteris et novi Testamenti*»: отсутствие строгой догматики, чистая христианская мораль с постоянною ссылкой на первобытные времена апостольской церкви, – вот особенность проповеди Матвея Яновского. Я не читал еще рукописных сочинений Фомы Штитного⁴⁵, но печатное издание его сочинений нисколько не прибавляет каких-нибудь новых черт к характеристике реформаторской деятельности предтеч Гуса⁴⁶. Образец для реформы церкви – у всех первобытная апостольская церковь; тоже самое говорили и позднейшие протестанты. На этом основании немецкие ученые (большинство), а за ними и чехи-рenegаты считали предшественников Гуса и самого Гуса предтечами позднейшего протестантизма. Заключение, имеющее за себя достаточно оснований, не имеет, однако, решающего значения. Дело в том, что в решении вопроса о характере чешской реформации нужно обращать внимание не столько на внешние свидетельства, ослабляющие протестантский взгляд на гуситство, сколько на главный принцип, положенный в основу чешской реформации. А этот принцип чешских реформаторов – не протестантское непосредственное отношение верующих ко Христу, а всепроникающее начало христианской любви, которая составляет сущность православия. Прекрасно, хотя и мимоходом, указал эту черту в Гусовом учении Гильфердинг⁴⁷: необходимо подробнее разъяснить этот пункт, и тогда – может быть – современные чехи – (в большинстве аристократы) инквизиторы Гуса перестанут требовать от русских ученых точной документальности и объективности, которой сами не имеют. Что же касается внешних свидетельств в пользу православия гуситства, то, при утрате подобного рода памятников во время иезуитской инквизиции после Белогорской битвы, трудно отыскать их, тем более что они (если предположить, что некоторые из них остались), может быть, тщательно оберегаются ультрамонтантствующими чехами. Впрочем, занимаясь в Праге, мне пришлось напасть на некоторые следы в этом отношении. Недавно, при посредстве А. О. Патеры, получивши позволение просмотреть небольшую коллекцию (неведомую другим) рукописей пражской церкви *zaduši*⁴⁸,

⁴³ Милич Ян (около 1320/25–1374) – чешский богослов и проповедник, автор сочинений «*Postilla a výklady na Ewangelia weyročnej*» и «*Knihu o zarmoucených velikých cirkwe swatě, o Antikristowi a gehosedmi ranach*». И. С. Пальмов изучал в Чешском национальном музее трехтомную рукопись Я. Милича на латинском языке «*Sermones Milicii*».

⁴⁴ Матвей из Янова (1350/55–1393) – чешский богослов и проповедник, считается одним из предшественников Я. Гуса.

⁴⁵ Штитный Фома (Томаш) (ок. 1333–1401/09) – чешский писатель, автор первых сочинений на чешском языке.

⁴⁶ Гус Ян (1369–1415) – священник, богослов, ректор Пражского университета, идеолог чешской реформации.

⁴⁷ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – российский фольклорист, дипломат, славяновед, последователь славянофилов. Автор исследования «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871).

⁴⁸ *Záduši* (чеш.) – духовное завещание, завещание в пользу церкви.

я нашел сборник трактатов *sub utraque*⁴⁹. В одном из таких трактатов говорится, что причастие над обоими видами одобрили греки, бывшие в Праге в мае 1437 года. Указание это новое, до сих пор неизвестное, но, к сожалению, без подробностей и в той рукописи, где оно найдено. Ищу подробности этого указания, но еще не уверен в успехе поисков. Кроме этого указания, читая рукописи XIV и XV вв. на примерное устройство своей церкви времен св. Людмилы и Вячеслава; а просматривая миссалы чешской церкви до конца XIV в., я убедился, что имена святых Кирилла и Мефодия были внесены в святцы только в половине XIV в. Из этого последнего факта, между прочим, я делал вразумление В.В. Болотову⁵⁰, что он слишком преувеличивает латинство Эммаусского монастыря, не без влияния которого, может быть, допущены в святцы имена свв. Кирилла и Мефодия⁵¹. — Притом я все усилия [направил] к тому, чтобы отыскать отчет о путешествии в Россию одного из «братьев» в 1490 году; но до сих пор, по крайней мере, напрасно: нет этого отчета даже в Герингуге⁵², хотя отчеты о путешествии на Восток трех других «братьев» есть. Многое весьма интересное для уяснения отношений чехов к Востоку, на что я имею положительные указания, безвозвратно, говорят, погибло. Все это [неразб.] здесь по большей части без малейшей доли участия и сожаления. Говорю о большинстве образованных чехов, а не о тех почтенных исключениях, которые, однако сами, при всем сочувствии к подобного рода вопросам, не могут, по характеру своей специальности, заниматься ими. Вообще наш русский исследователь, занимаясь подобного рода вопросами, одинок в своих поисках. — Как бы то ни было, а в Праге я думаю пробыть еще несколько времени: обретаю не мало интересного для моих занятий материала.

Упомянув об известном способе отношений современных чехов к гуситству, я мог бы указать Вам несколько подробностей в этом отношении. Но думаю, что с характером их Вы уже знакомы; знакомы также и с существующими направлениями чешских политических партий. Что касается ультрамонтанства чехов, то, поддерживаемое здешними иезуитами, немцами и отчасти самими чехами (вроде господ старых Иречков⁵³ и под[обных]), оно постоянно теряет почву в образованном классе чехов и даже в массе народа, разрешаясь у первых индифференцизмом, а у второго (народа) темными симпатиями к своей старой вере времен свв. Людмилы и Вячеслава. Правда, эти симпатии не оттолкнули еще народ от «костела», тем не менее они важны как знамение времени. Выйдет ли что-нибудь из этого, — не знаю. По крайней мере ч[ешское] католическое духовенство поняло важность момента и принимает все усилия к тому, чтобы исказить первоначальную историю своей церкви: интерес народа к памяти свв. Кирилла и Мефодия удовлетворяется содержанием книжек даже не в духе

⁴⁹ *Sub utraque specie* (лат.) — причастие мирян под двумя видами, т.е. хлебом и вином, на котором настаивали чашники — умеренное крыло гуситов.

⁵⁰ Болотов Василий Васильевич (1853—1900) — востоковед, ординарный профессор кафедры древней церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

⁵¹ И.С. Пальмов не знал о канонизации свв. Кирилла и Мефодия при Карле IV, а также то, что они были в числе патронов Эммаусского монастыря с момента его основания Карлом IV в XIV в.

⁵² Гернгут (гернгутская братская община) — город в Саксонии, основанный в 1722 г., в котором обосновалась община «Богемских братьев». Пальмов сначала в Земском архиве Праги изучал копии документов из архива Общины чешских братьев в Гернгуге, а после вынужденного отъезда из Праги отправился в Гернгут.

⁵³ Пальмов имеет в виду братьев Иречек: Иречек Йосеф (1825—1888) — чешский литератор, чиновник министерства образования, член австрийского парламента, президент Чешской академии наук, отец историка К.Й. Иречка. Иречек Герменегильд (1827—1909), историк славянского права, редактор журнала «*Videňsky Dennik*».

Штроссмайеровских⁵⁴ посланий, а в чисто ультрамонтанском духе, а постепенно восстающий образ Яна Гуса затемняется все еще мифическими рассказами о подвигах Яна Непомуцкого⁵⁵. Пусть либеральные чехи уверяют, что пресловутое ультрамонтанство чехов теперь не существует, — ложь красноречиво опровергается фактами, на которые со всем азартом напускаются сами чехи-протестанты. В свою очередь и эти последние, в борьбе с католицизмом, преследуют ложную цель и с удивительным нахальством записывают Гуса в ряды протестантов, настойчиво убеждая своих адептов распространять о том по все уголкам бывших земель Чешской короны. Грустно смотреть на подобные аномалии... Только вера в их мимолетность облегчает тяжесть переживаемых впечатлений. Перед отъездом моим за границу Вы называли мое настоящее положение счастливым: да; но это счастье получается ценою всевозможнейших беспокойств, волнений, иногда даже отчаянной борьбы и пр. Вы также говорили, что здесь — за границей в особенности я полюблю Россию: исповедую Вам, что полюбил Россию именно там, как никогда еще прежде... Теперь пора заканчивать свое письмо к Вам и прошу Вас дать назначение найденной Вашей суммы, которая осталась у меня от покупки для Вас книг во Львове.

Всею душою преданный Вам
Ваш И. Пальмов.

Низко кланяюсь всему Вашему семейству, а также всем моим знакомым, собирающимся у Вас, молодым славистам.

PS) А. О. Патера предполагает написать Вам письмо на этой неделе.

PPS) Проф. Гаттала⁵⁶ готовит к печати обширную оборону Краледворской рукописи.

2

17/5 июня 1882 г.

Будишин.

Глубокоуважаемый

Владимир Иванович!

Вопреки всем своим расчетам и намерениям пробывать в Праге еще весь июнь месяц, я неожиданно должен был с поспешностью удалиться не только из Праги, но и вообще из Австрии. Фанатическое бешенство поляков, так варварски обрушившееся на многострадальных наших братьев русских, в известной мере коснулось и меня. Тяжелое, почти ничем не гарантированное от польского произвола положение приезжего русского в Галичине, Вам уже известно: подозрительность, разрешающаяся всевозможными экзекуциями, опросами, полицейско-судебными пытками и пр. — все это страшно беспокоит, запугивает и даже убивает энергию и охоту к продолжению научных занятий на месте.

⁵⁴ Штроссмайер Йосип Юрай (1815–1905) — католический епископ, хорватский политический деятель, лидер Народной партии (1860–1873), основатель Юго-Славянской академии наук и искусств в Загребе (1867) и Хорватского университета в Загребе (1874). В 1859 г. направил послание римскому папе Пию IX, в котором предлагал ввести славянское богослужение в хорватских епархиях. В 1876 г. адресовал русскому правительству «Меморандум», в котором предлагал России заключить унию с римско-католической церковью.

⁵⁵ Ян Непомуцкий (ок. 1350–1393) — чешский священник, убитый по приказу короля Вацлава IV и причисленный католической церковью к лику святых в 1725 г. Славянофилы, как и чешские протестанты, полагают, что почитание Яна Непомуцкого появилось, чтобы вытеснить память о Я. Гусе.

⁵⁶ Гаттала Мартин (1821–1903) — словацкий филолог-славист, профессор Карлова университета в Праге, католический священник, автор многочисленных публикаций в защиту подлинности Краледворской рукописи (*Obrana Rukopisu královédvorského*. Praha 1911, 408 s.).

Счастливо вырвавшись из-под надзора и опеки поляков, я спокойно поселился в Праге, регулярно занимаясь своим делом по большей части в библиотеках и архивах. Но польская подозрительность не оставила меня и здесь. Уже давно, почти с самого начала процесса против русских, в польских, а потом и мадьярских газетах стали появляться преднамеренно ложные и фальшивые корреспонденции о панславистских агитациях в Галичине и северной Угрии со стороны «московских эмиссаров», из которых, по их сообщениям, я и И.И. Соколов⁵⁷ им более всех известны — из недавнего прошлого. Несмотря на такие, не совсем безопасные для меня, известия, перепечатаваемые к тому же почти всеми австро-венгерскими и, в частности, пражскими газетами, я сперва мало обращал внимания на очевидно вымышленную ложь; и только после появления в «Деннике Польском» будто бы определению (?) львовского уголовного суда о задержании меня и др. мнимых «московских эмиссаров», я решил, во избежание всяких неприятностей, перешагнуть границу Австро-Венгрии и направился в Саксонию — к лужичанам. Лужичан я хотел посетить уже после окончания своих занятий в Праге, но неприятный случай привел меня сюда раньше предполагаемого срока. Теперь, как видите, я в Будишине: Смоляра⁵⁸ не застал, но в обществе его сотоварищей и друзей (Горника⁵⁹, Муки⁶⁰, Фидлера⁶¹, Шольте⁶² и др.) нашел радушнейший братский прием. Готовности их помочь мне в занятиях, искренности и чисто славянского гостеприимства я никогда не забуду и считаю своим долгом передавать об этом при всяком удобном случае.

Все — как один — говорят, что, хотя их мало количественно, однако им страшно хочется жить славянской жизнью, — что в них очень живо бьется славянское чувство. В искренности их заявлений я не сомневаюсь: при личном знакомстве с их народными деятелями я легко мог понять одушевлявшие их славянские чувства и желания. Но, при этом, все в большом унынии, что им беспомощным все другие братья-славяне почти отказывают в помощи, — всю надежду возлагают на русских. А помощь им крайне нужна: иначе грозит полнейшая германизация, охватывающая их со всех сторон. Поездка Смоляра в [Россию] вызвана самыми насущными потребностями сербо-лужицкого народа: для успеха народного дела необходимо иметь им собственный дом, в котором бы удобно могли разместиться все их народные институции. Настоящий

⁵⁷ Соколов Иван Иванович (1852–1902) — славист, ученик В.И. Ламанского (окончил Санкт-Петербургский университет в 1876 г.), редактор «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (1883–1885), с 1885 г. член совета общества, казначей, член издательской комиссии. С 1883 г. секретарь Святейшего синода, с 1896 г. член училищного совета и заведующий канцелярий совета при Синоде; член редакции «Церковных ведомостей». Брат известного слависта Матвея Ивановича Соколова (1854–1906). В 1881 г. был в командировке с научными целями в Галиции и Венгрии. По итогам поездки опубликовал статью «Мукачевская псалтырь XV в.» в «Сборнике статей по славяноведению, составленном и изданном учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности» (СПб., 1883).

⁵⁸ Смолер Ян Арношт (1816–1884) — деятель лужицкого национального возрождения, филолог, один из организаторов «Матицы сербской» (1847), редактор и издатель газеты «*Serbske Nowiny*» (1853–1869) и журнала «*Lužičan*». В 1882–1883 г. приехал в Россию по делу о постройке «Матичного дома» или «Сербского дома» в Будишине, в котором размещалось лужицкое литературно-научное и культурно-просветительское общество — Матица сербская.

⁵⁹ Горник Михал (1833–1894) — серболужицкий филолог, публицист, историк, с 1882 г. председатель общества «Матицы сербской».

⁶⁰ Мука Арношт (1854–1932) — серболужицкий общественный деятель, педагог, редактор «*Časopis Mačicy Serbskeje*» (1884–1932).

⁶¹ Фидлер Карола Август (1835–1917) — серболужицкий общественный деятель, педагог, поэт, музыкант.

⁶² Шолта — серболужицкий культурный деятель.

убогий дом «Матица», занимающий очень хорошее положение в Будишине с достаточным количеством принадлежащей ему земли, далеко не удовлетворяет самым даже первым потребностям «Матицы». Теснота помещений делает то, что не только не существует комнаты для собрания членов «матицы» (которые странствуют для своих [неразб.] сессий, по гостиницам Будишина), но нет даже помещения (более или менее удовлетворительного) для библиотеки и склада книжных изданий «Матицы». Неудобства эти Вы, может быть, очень хорошо представляете и понимаете также, как туго при таких условиях может продвигаться народное дело — без центра, внешних удобств, при внутренних общественно-политических стеснениях господствующей партии, при ничтожных материальных средствах и пр. А энергии, инициативы у здешних народных деятелей достаточно, по крайней мере, не меньше, чем у других более многочисленных славян, которые забыли этот симпатичный славянский уголок. Грех забвения лежит на всех славянах, а ближайшим образом на тех, которые призваны были руководителями своих меньших братьев, а еще более на самых ближайших соседях — чехах и поляках. О поляках говорить уже нечего: их ренегатство хорошо понимают сербы-лужичане. Чехи также, увлеченные идеей федерации австрийского славянства и одерживаемые эфемерною надеждою на А[встри]ю, замкнулись в тесном кружке своих личных интересов, удовлетворяющих только личную их национальную гордость. Тяжело и даже больно припоминать некоторые эпизоды из последнего периода фальшивых и поддельных для католиков густистких компромиссов с поляками и разного угодничества в ряде их во всяком случае неславянских тенденциях. И я не хочу касаться этого больного места в настоящей политике чешских вожakov, которые [дают] сравнительно большие (по возможным результатам) выгоды оппозиции, променяли на поддельный в некоторых отношениях (для интересов общеславянских) компромисс с поляками или на камер-лакейские должности при Г[абсбург]ском дворе; а скажу только, что в погоне за этими внешними выгодами они оставляют в стороне интересы общеславянские, а может быть делают худшего и еще более... Вследствие этого выходит между прочим и то, что собирая [неразб.] на театр без актеров и посетителей (конечно в смысле относительном), они отказывают в помощи не раз умолявшим их сербам-лужичанам. Поэтому, единственною надеждою этих последних остается Россия, — и наши друзья славянства должны бы посодействовать осуществлению настоятельнейших потребностей сербо-лужицкого народа. Тут — не милостыня только, но и долг: мы должны это делать, наперед не рассчитывая на реальную благодарность. При этом мы должны также помнить, что здесь сочувствие их нам не лицемерно, — знакомства, точнее — понимания общеславянских интересов здесь не меньше, чем у других славян, но зато меньше хвастовства политической свободой, мнимым превосходством пред русскими в культурном отношении и пр. Правда, что касается знакомства с Россией, и у них не хватает его: знают нас больше из иностранных газет, чем из русских... Но ведь это общее несчастье у всех почти наших братьев славян, а не у одних только сербов-лужичан, которые все-таки стараются понять наши внутренние отношения и, читая русские издания (некоторые сербы хорошо читают по-русски), по возможности эманципируются из-под влияния западноевропейской прессы. Поэтому было бы слишком строго и несправедливо обвинять их за мнимое равнодушие к судьбам великого славянского народа — русского. Мы должны прийти на помощь их благому начинанию, ради которого теперь Смоляр

в России, — и решительный шаг с нашей стороны будет лучшим залогом нашей взаимной славянской любви и сочувствия.

Во имя этой любви посодействуйте, если возможно, в пользу предприятия сербо-лужицкого народа: пишу так и прошу как очевидец их нужд и чистых задушевных желаний. Подробно разъяснять эти нужды я считаю излишним: по всей вероятности, от Смоляра Вы их достаточно узнали, а в виде прибавления прилагаю при сем проект устава для сербо-лужицкого народного музея — с русским переводом (как образчиком степени знакомства лужичан с рус[ским] языком) и смету на постройку дома.

Что касается моих личных дел, то некоторые, может быть, небезынтересные для Вас подробности отлагаю до другого письма; а теперь, пожелав Вам и Вашему семейству всего наилучшего, с искренним почтением остаюсь всегда глубоко уважающий Вас И. Пальмов.

Мой низкий поклон Ивану Егоровичу Троицкому⁶³, В.В. Болотову и моим приятелям — молодым славистам, Вашим ученикам.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 1—6

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. XII+408 с.

Ламанский В.И. Из записок о славянских землях. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 152. С. 649—702.

Ламанский В.И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). 1878/79 год. [СПб.:] Литография Гробовой, [1879]. 98+160 с.

Ламанский В.И. Замечания проф. Ламанского на статью г. Шумавана // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 5. С. 16—19.

Ламанский В.И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 530—539.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1075.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 27об.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447.

СПбФ АРАН. Ф. 105. Оп. 1. Ед. хр. 30.

Шахматов А.А. Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А.А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914. С. 1339—1352.

Шумаван И. Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно-славянских вопросах // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 5. С. 11—16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бринзей Г.В. Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмова (1856—1920) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 95—105.

⁶³ Троицкий Иван Егорович (1832—1901) — историк церкви, профессор Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

- Краснова А.А. Славянская идентичность в контексте ментальной географии у А.С. Будиловича // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 1. С. 67–80. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.5>
- Лаптева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Folia Historica Bohemica. 1990. № 13. S. 369–425.
- Лаптева Л.П. Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Церковь в истории славянских народов. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 53–65.
- Лаптева Л.П. И.С. Пальмов и изучение им славянства в ходе заграничных поездок // Славянский мир. Проблемы изучения. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 99–109.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
- Лаптева Л.П. Профессор И.С. Пальмов и его исследования по церковной истории зарубежных славян // Вестник церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 196–220.
- Лаптева Л.П. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмов как историк зарубежных церквей // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик, 2011. С. 25–35.
- Лаптева Л.П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.
- Малинов А.В. «Римская идея» в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 155–166. DOI: [10.21146/0042-8744-2023-2-155-166](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-155-166).
- Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Петр I и Пугачев: зарождение идеи «народной империи» в творчестве А.С. Пушкина // Соловьевские исследования. 2022. № 3. С. 123–139.
- Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.
- Ровда К.И. Россия и Чехия: взаимосвязи литератур 1870–1890. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Саприкина О.В. Трактровка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах журнала министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 18. С. 258–269.
- Lapteva L. P. Der Russische Slavist I.S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben // Lětopis Reihe B. 1976. No. 23/2. S. 151–160.
- Lapteva L. P. Ruský slavista I.S. Palmov a jeho styky s Čechami // Československésovětske vzťahy. 1980. No. 9. S. 129–159.

Рукопись поступила в редакцию 01.02.2023

Рукопись принята к печати 17.03.2023

REFERENCES

- Brinzei G.V. Epistoliarinoje nasledije professora Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii I.S. Pal'mova (1856–1920). *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*. 2018. № 2, pp. 95–105. (In Russ.)
- Krasnova A.A. Slavijskaia identichnost' v kontekste mental'noi geografii u A.S. Budilovicha. *Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniia russkoi filosofii*, 2019, no. 1, pp. 67–80. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.5> (In Russ.)
- Lapteva L. P. Der Russische Slavist I.S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben. *Lětopis Reihe B*, 1976, no. 23/2, pp. 151–160.
- Lapteva L.P. Ruský slavista I.S. Palmov a jeho styky s Čechami. *Československésovětske vzťahy*, 1980, no. 9, pp. 129–159. (In Chekh.)
- Lapteva L.P. Obshchina cheshskikh brat'jev v osvshchenii russkoi istoriografii XIX – nachala XX v. *Folia Historica Bohemica*, 1990, no. 13, pp. 369–425. (In Russ.)
- Lapteva L.P. Russkii uchenyi I.S. Pal'mov kak issledovatel' Obshchiny cheshskikh brat'jev. *Tserkov' v istorii slavijskikh narodov*. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 1997., pp. 53–65. (In Russ.)
- Lapteva L. P. I.S. Pal'mov i izuchenie im slavianstva v kxode zagranchnykh poezdok. *Slavijskii mir. Problemy izucheniia*. Tver', Tverskoi gos. un-t, 1998, pp. 99–109. (In Russ.)
- Lapteva L.P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX veke*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 847 p. (In Russ.)
- Lapteva L.P. Professor I.S. Pal'mov i jeho issledovaniia po tserkovnoi istorii zarubezhnykh slavian. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2007, no. 3 (7), pp. 196–220. (In Russ.)
- Lapteva L. P. Professor Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii I.S. Pal'mov kak istorik zarubezhnykh tserkvei. *Slavijskii al'manakh*. 2010. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 25–35. (In Russ.)

- Lapteva L. P. Vladimir Ivanovich Lamanskii (1833–1914) i ego ucheniki. *Slavyanovedenie*, 2014, no. 6, pp. 82–96. (In Russ.)
- Malinov A. V. «Rimskaia ideia» v tsivilizatsionnoi kontseptsii V. I. Lamanskogo. *Voprosy filosofii*, 2023, no. 2, pp. 155–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-2-155-166 (In Russ.)
- Matveeva I. Yu., Evlampiev I. I. Petr I i Pugachev: zarozhdenie idei «narodnoi imperii» v tvorchestve A. S. Pushkina. *Solovetskie issledovaniia*, 2022, no. 3, pp. 123–139. (In Russ.)
- Medovarov M. V., Snezhnitskaya S. I. Raskol sredi pozdnikh slavianofilov i rol' V. I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 38–47. (In Russ.)
- Rovda K. I. *Rossii i Chekhii: vzaimosviazj literatur 1870–1890*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 288 p. (In Russ.)
- Saprikina O. V. Traktovka slavyanskoi idei V. I. Lamanskim na stranitsakh zhurnala ministerstva narodnogo prosveshchenija. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2010, no. 18, pp. 258–269. (In Russ.)

Received on 01.02.2023

Accepted on 17.03.2023

Информация об авторе:

Малинов Алексей Валерьевич
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Information about the author:

Alexey V. Malinov
DrSc (Philosophy), Professor
Saint Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1252-9193
E-mail: a.v.malinov@gmail.com